

Постмодерн, пространственный поворот и отечественная социально-экономическая география

Александр Николаевич Демьяненко
Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия, demyanenko@ecrin.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка проследить, каким образом постмодернизм связан с "пространственным поворотом" в социальных дисциплинах и географии человека особенно. Выявлены особенности реакции отечественной социально-экономической географии на "вызов постмодерна".

Ключевые слова: *постмодерн, пространственный поворот, география человека, отечественная социально-экономическая география*

Для цитирования: Демьяненко А. Н. Постмодерн, пространственный поворот и отечественная социально-экономическая география // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 1. С. 19–34. DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/19-34

Original article
DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/19-34

Postmodern, spatial turn and native socioeconomic geography

Aleksandr N. Demyanenko
Institute for Economic Research, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russia, demyanenko@ecrin.ru

Abstract. This article was made an attempt to explain the connection between postmodernity and "spatial turn" in social sciences and human geography exactly. The reaction specificity of socio-economic geography to "postmodernity call" is identified.

Key words: *postmodern, spatial turn, human geography, native socio-economic geography*

For citation: Demyanenko A. N. Postmodern, spatial turn and native socioeconomic geography // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 1. P. 19–34. DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/19-34

Введение

На первый взгляд "постмодерн" – это нечто, скорее принадлежащее истории, хотя и недавней, чем дню сегодняшнему. Действительно, "постмодерн" как направление научной мысли за последние два десятка лет, потерял свою былую актуальность. Более того, высказывается мнение, согласно которому "То, что некогда было ключевой и даже самой популярной темой социальной теории, теперь даже не называется, как будто авторы стремятся забыть о постыдном прошлом гуманитарных дисциплин 1980–1990-х годов" [16, с. 10].

Но вот что любопытно: появление целого ряда теоретических концепций, авторы которых предлагают свои варианты объяснения современного состояния общества вовсе не отменяет фундаментальные основания проекта под названием "постмодерн". Скорее всего, прав А. Павлов: "Если постмодерн и история, то всё ещё живая, незавершённая, конец которой на самом деле пока ещё невозможно определить" [16, с. 53].

Я тоже не берусь определить, завершён постмодерн или нет. Моя цель – попытаться понять, каким образом "постмодерн", а прежде всего пространственный поворот, проявились в географии человека (human geography) и в том числе в отечественной социально-экономической географии (СЭГ).

Более того, я посчитал возможным ограничиться следующими сюжетами: коротко сформулировав авторскую позицию относительно того, что есть "модерн" и "постмодерн", более подробно остановиться на пространственном повороте и его влиянии на социально-гуманитарные дисциплины, включая географию человека. Последний по счету, но не значению сюжет: реакция отечественной СЭГ на пространственный поворот.

О модерне и постмодерне

Теперь самое время договориться о словах. То есть о том, каково содержание понятий "постмодерн" и "пространственный поворот"? Но тогда следует

вспомнить и о "модерне" и попутно отметить, что все упомянутые термины отличаются многообразием их интерпретаций¹.

Кстати, а если состояние модерна в данном конкретном обществе, скажем в российском, очень отличается от канонического понимания "модерна"? Попробую пояснить, что я имею в виду. Начнем с того, что с "модерном" Россия очень запоздала. Если принять вслед за Э. Гидденсом и Ф. Саттоном, что модерн "Характеризуется процессами секуляризации, рационализации, демократизации, индивидуализации и подъемом науки" [7, с. 24], то Россия накануне Октября 1917 года делала лишь первые шаги на пути к модерну. Причем путь к модерну, при всей специфичности российских реалий тех лет, был вполне в русле мейнстрима².

Другое дело, что в ходе "второй революции" (1928–1932 гг.) ситуация в общественной жизни России меняется кардинально и по движущим силам модернизации, и по социально-политическому контексту. И если вернуться к формуле Э. Гидденса и Ф. Саттона, то придется признать: секуляризация и рационализация – действительно имели место, что же касается "демократизации" и "индивидуализации", то эти черты начисто отсутствовали в модели советской модернизации. Относительно же "подъема науки" можно уверенно говорить лишь о том, что он имел место, но за пределами социально-гуманитарных дисциплин.

Можно было бы продолжить обсуждение теорий модернизации³, но можно ограничиться констатацией: нет одной универсальной модели модернизации, в том числе и экономической, но есть множество моделей модернизации. И уже по этой причине постмодерн, как способ описания и объяснения современного общества, опять-таки предполагает множественность моделей описания.

Теперь, также по необходимости кратко, о постмодерне. Возможно, есть смысл, взяв за отправную точку анализа известную работу Ф. Джеймисона [9], попытаться определиться с сущностными чертами постмодерна. Итак, "Постмодернизм – то, что вы получаете, когда процесс модернизации завершен и с природой наконец-то покончено. Этот мир человечнее прежнего, но в нем "культура" стала настоящей "второй природой" [9, с. 58]. Суждения относительно "второй природы", о "конце природы", равно как и о "завершении процесса модернизации" широко распространены не только в научном сообществе, но и за его пределами. Но это вовсе не означает, что они беспспорны.

Показательны в этом отношении суждения А. Лефевра: "пространство-природа (физическое) всё больше отдаляется. Необратимо. Конечно, оно было и остается общей отправной точкой: истоком, *origo* социального процесса, быть может, основой любой "оригинальности". ... Природа, могучий миф, превращается в вымысел, в негативную утопию: отныне она всего лишь сырье, которое обрабатывали производительные силы различных обществ, производя свое пространство. Она, конечно, сопротивляется, ее глубина бесконечна, но она побеждена, она отступает, разрушается ..." [13, с. 44]. Хорошо сказано, несомненно, присутствует мощный эмоциональный заряд. Но остается открытым вопрос: почему физическое (иначе, географическое) пространство всё более отдаляется от пространства социального? И, далее, если даже допустить, что в тех или иных локациях, на тех или иных территориях, в те или иные исторические периоды природа оказывается побежденной, и она отступает и

¹ Не случайно, У. Эко отмечает: "К сожалению, "постмодернизм" – термин годный а tout faire" [34, с. 75].

² Проблема множественности модернизаций в контексте российской истории тщательнейшим образом анализируется в работе М. Дэвид-Фокса [11]. Правда, здесь нужна оговорка в этом монографическом исследовании, как и в подавляющем большинстве исследований, посвященных особенностям российского модерна, речь идет о культуре и идеологии, а экономика остается вне исследовательского фокуса. Впрочем, сказать, что модернизационные процессы в российской экономике оказались terra incognita, было бы сильно погрешить против истины. Из работ последних лет следует упомянуть: [8].

³ Литература, посвященная теориям модернизации, в том числе экономической модернизации, необъятна. Из работ последних лет следует упомянуть монографическое исследование Ш. Бегельсдейка и Р. Масселанда [2].

даже разрушается, то, скорее всего, мы наблюдаем и деградацию социального пространства.

Суть дела не в том, чтобы победить природу, а в том, чтобы гармонизировать взаимодействия между процессами, протекающими в природных и социальных пространствах. И это имеет место уже в силу того, что эти пространства вовсе не обязательно (хотя и так бывает нередко) находятся в состоянии борьбы, скорее всего, мы имеем дело с взаимопроникновением этих пространств. И вовсе не случайно, что постмодерн, это ещё и такое явление, как экологизация практически всех сторон жизни общества: не только появление таких научных дисциплин, как экологическая география (environmental geography), социальная экология и экология города, но и "зелёных" политических партий и движений.

А вот что, по-моему мнению, заслуживает самого пристального внимания, так это тезис А. Лефевра: основной "любой оригинальности" социального пространства, его "отправной точкой и первичной основой которой служит природа – изначальная и неповторимая, ибо она всегда и везде имеет свои особенности (ландшафт, климат и т. д.)" [13, с. 119]⁴.

Иначе говоря, любая особенность того или иного социального пространства в основе своей имеет природу, её пространственную структуру.

Теперь вновь вернемся к уже упоминавшейся не раз монографии Ф. Джеймисона: "... постмодернизм ... немыслим без гипотезы о некоей фундаментальной мутации сферы культуры в мире позднего капитализма, которая включает в себя существенное изменение ее социальной функции" [9, с. 160]. Действительно, культура модерна, это вовсе не культура постмодерна, в том числе и политическая культура.

Итак, "постмодерн" явление, крайне трудно поддающееся определению, оно не только сложно устроено, но оно к тому же необычайно изменчиво, а его проявления нередко провокационны. Тем не менее, несмотря на все проблемы, связанные с исследованием природы постмодерна, источников его происхождения и находящейся в состоянии постоянных изменений структуры, нам необходимо сформулировать положения, которых мы будем придерживаться в дальнейшем, рассматривая "пространственный поворот" и его отражение в географическом знании.

И здесь нам может помочь давняя работа М. Дири (M. Dear)⁵, которая начинается с констатации: "Очень немногие люди имеют четкое представление о том, что означает "постмодернизм". Некоторым он кажется последним в длинной череде архитектурных причуд; другим, как новый вид литературы. И, как и в случае с появлением всех новых мод, последовала давка, направленная на то, чтобы отвергнуть новую моду со стороны защитников существующей моды. Однако в чистом виде постмодернизм представляет собой фундаментальную атаку на современную философию" [41, с. 265]. Суть этой атаки – это, по мнению М. Дири, "бунт против рациональности модернизма", который "ищет универсальную истину и смысл, обычно через метадискурс или метанарратив" [41, с. 265].

Далее он предлагает для того, чтобы понять суть вопроса, определить три основных конструкта постмодернизма: стиль, эпоху и метод, сосредоточив своё внимание на методе. Этой логики я буду стараться придерживаться в последующем, рассматривая пространственный поворот, сосредоточив внимание на методе.

Пространственный поворот – "дитя постмодерна"?

Для начала следует попытаться понять, что есть "повороты" в социально-гуманитарных науках. У Д. Бахманн-Медик [1] мы можем найти следующее: "В любом случае ... "повороты", вводя новые идеи и категории, меняя направления и модифицируя теории, являются знаменательным явлением

⁴ Здесь особенно показательно то, как понимает природу А. Лефевр: ландшафт, климат и т.д. Именно "и т.д." очень характерно.

⁵ Анализ, краткий, но содержательный, этой работы в [48].

— как в их собственных контекстуальных связях, так и с позиций реструктуризации "научного поля" в науках о культуре и обществе" [1, с. 14]⁶.

Действительно, "реструктуризация научного поля" наук о культуре сопровождалась преодолением дисциплинарных границ, иначе говоря, формированием научных сообществ, осуществляющих междисциплинарные исследования. Но все-таки более значимо то, что поворот предполагает не просто появление новых (междисциплинарных) объектов исследования, но предполагает появление новых инструментов исследования. Это как минимум попытка создания теоретических моделей объяснения таких социальных феноменов (глобализация, урбанизация, туризм и пр. и пр.), которые не укладываются в границы традиционных дисциплин. И само собой разумеется, что "повороты" вовсе не обладают качеством абсолютной новизны, обычно они оказываются не более, чем обновлением давно практикуемых направлений исследований. Иначе говоря, "повороты", как правило, не результат "научной революции" (если следовать терминологии Т. Куна). Скорее "повороты" – следствие появления новых, ранее не известных (или находившихся в латентной форме) проблем. И как ответ на этот вызов – научное сообщество вводит новые идеи и категории, модифицируя теории и аналитический инструментарий, то есть формирует новые "подходы"⁷.

Если теперь обратиться к анализу природы "поворотов", то придется признать: о "повороте" есть смысл говорить, когда имеет место не просто расширение проблемной области (необходимое условие), но появление новых концепций (достаточное условие). То есть имеет место своего рода концептуальный переход в новое качество, который к тому же осуществляется "поверх" дисциплинарных границ. Более того, такого рода концептуальный скачок "в большинстве случаев сопровождается трансформацией изначально *описательных* понятий ... в концепты, меняющие действительность" [1, с. 29].

Теперь пора вернуться к "пространственному повороту", который в социальных науках, по мнению Д. Урри [26], произошел в 1980-х гг.⁸

В уже упоминавшейся монографии Д. Бахманн-Медик есть такое высказывание: "Пространственный поворот – дитя постмодерна" [1, с. 338]. В свою очередь М. Фуко утверждал: если "Великой навязчивой идеей, неотступно преследовавшей XIX век, как известно, была история", то "Сегодняшнюю же эпоху можно, скорее, назвать эпохой пространства" [27, с. 191]⁹. В конце 1980-х гг. Ф. Джеймисон один из наиболее влиятельных теоретиков постмодернизма, выступил с лозунгом: "Всегда опространствливай!" Этот призыв к

⁶ Отметим, что близкой точки зрения относительно культурального поворота придерживается и П. Бёрк [3], один из наиболее авторитетных исследователей в области культуральной истории.

⁷ Наверное, здесь будет уместным соотнести понятие "поворота" с "парадигмами" Т. Куна и "научно-исследовательскими программами" И. Лакатоша. Дело в том, что "повороты" выходят за дисциплинарные рамки, и уже в силу этого правомерен вопрос: являются ли они "парадигмами" в смысле теории научных революций Т. Куна? Скорее правы исследователи (мнение которых разделяет и автор данной статьи), утверждающие, что развитие социальных (в том числе, экономики и географии человека) гуманитарных наук определяется не сменой парадигмы, но переосмыслением теорий предшественников, то есть не на их отрицание, а на включение. Поэтому автору близко мнение Бахманн-Медик: "... патетическим разговорам о научных "революциях", равно как и поискам культурологической парадигмы нет места в поле наук о культуре" [1, с. 19–20]. От себя могу добавить: не следует искать "парадигм" и в поле географии человека.

⁸ И с этим, наверное, следует согласиться, если речь идет о философии и совокупности социально-гуманитарных дисциплин. Но, что касается экономической науки, то "пространственный поворот" в ней начался много ранее [36; 47], хотя сказать, что этот "поворот" привел к радикальному изменению в экономической теории, было бы большим преувеличением. Что же касается географии, то о ее взаимоотношениях с пространственным поворотом – ниже.

⁹ Впрочем, стоит прислушаться к мнению М. Кренга и Н. Трифта: "Хотя отчасти причиной обращения к пространству во многих дисциплинах было стремление отойти от тирании историзма и развития, факт остается фактом: пространство без времени так же невероятно, как время без пространства. Таким образом, к знаменитому заявлению Фуко о том, что эра пространства пришла на смену эпохе времени, следует воспринимать с долей скепсиса" [40, с. 1]. С известной долей скепсиса следует воспринимать и тезис Д. Бахманн-Медик относительно того, что пространственный поворот – дитя постмодерна.

спатIALIZАЦИИ проистекает из самой природы постмодерна, отказывающегося от преобладающей ориентированности модерна на время. Конечно, такая смена ориентиров не есть исключительно результат эволюции научного знания в рамках социально-гуманитарного блока дисциплин. Хотя и отрицать то, что именно в эти годы наблюдается смена, скажем так "подходов" в описании и объяснении современного общества.

Так, в исторической науке начинает приобретать склонность к микроисторическим исследованиям, неизбежно привязанным к конкретным местностям¹⁰; в географии человека – на смену "количественной революции"¹¹ явно прослеживается всё более растущий интерес к проблемам развития регионов и городов, с акцентом на исследование местных сообществ, их культурных особенностей и взаимоотношений с властью¹²; в социологии всё большее число исследователей стало осознавать, что социальные процессы пространственно организованы и что пространственные структуры влияют на социальные отношения¹³, наконец, в экономической науке¹⁴.

И все-таки, импульсы к смене ориентиров в немалой мере шли извне. Обычно своего рода знаковым событием рассматривают массовые протестные движения, охватившие мегаполисы по всему миру в конце 1960-х гг., и как их некая кульминация – май 1968 г. в Париже.

Отрицать значение упомянутых выше событий вряд ли разумно. Впрочем, как и то, что именно в эти годы в силу разных причин происходят качественные изменения в научно-технической сфере, глобальные изменения в экономике, социальной и политической жизни.

Здесь уместна ещё одна цитата из Ф. Джеймисона: "модель политической культуры, подходящая нашей ситуации, должна будет обязательно поднимать пространственные вопросы в качестве её фундаментального организующего устремления [9, с. 166].

И вопросы были подняты, так как происходили качественные изменения не только в пространственной организации общества, но и одновременно в научном сообществе произошло изменение отношения к пространству.

Так как изменения в пространственной организации общества, имевшие место на протяжении последних десятилетий, вызвали к жизни обширную литературу, анализ которой вовсе не входит в круг задач данного исследования, то автор здесь возможным ограничиться перечислением наиболее характерных черт этих работ.

Пожалуй, главное заключается в том, что общество и его пространственную организацию (то есть социальное пространство) стали воспринимать, во-первых, не только как хотя сложную, но всё-таки достаточно стабильную структуру, которая эволюционирует согласно предписанным законам, а как систему, находящуюся в состоянии постоянных перемен, зачастую непредсказуемых¹⁵.

¹⁰ О микроистории и ее становлении: [31].

¹¹ О количественной революции в географии человека: [9; 36; 48]. Удачный пример исследования, выполненного в духе "количественной революции в географии" - монография У. Бунге [5].

¹² Этот "поворот" особенно ярко проявился в работах географов неомарксистского толка. См. Д. Харви [29; 30; 42], Э. Соджа [55; 56]. Но свести всё только к ним было бы упрощением ситуации.

¹³ Показательно, что в "Key Thinkers on Space and Place" [45] широко представлены наряду с географами (что ожидаемо) социологи: Марк Оже, Пьер Бурдьё, Мануэль Кастельс, Энтони Гидденс, Анри Лефевр, Джон Урри.

¹⁴ Впрочем, в экономической науке "пространственный поворот" наметился много раньше в 1950-х гг., то есть именно в то время, когда И.А. Шумпетер [32] отмечал рост популярности "региональных исследований", которые в конечном счете привели к институционализации региональной (иначе, пространственной) экономики на рубеже 1950–1960-х гг. См. [36; 47].

¹⁵ Начиная с концепции пространственно-временной географии Т. Хегерстранда [43], а затем и в концепциях структуриации общества Э. Гидденса, мобильностей Д. Урри [26], "новой" региональной географии [54] и многочисленных исследованиях городских сообществ происходит теоретическое осмысление различных пространственных систем.

Во-вторых, пространство стали воспринимать не только как арену, на которой протекают социальные процессы, как нечто нейтральное, но как активного актора в жизни общества. Поэтому борьба за пространство, право на город, взаимоотношения власти и знания в пространстве стали широко обсуждаемыми темами в социально-гуманитарных дисциплинах, в том числе в географии человека¹⁶.

В-третьих, во многом благодаря работам А. Лефевра¹⁷ сложилось понимание того, что социальное пространство не есть нечто данное, а является продуктом производимым обществом, а следовательно, каждое общество (у Лефевра способ производства) производит присущее ему пространство. При этом социальное пространство представляет собой множество (ансамбль) частных социальных пространств.

В-четвертых, ключевая роль в организации социального пространства отводится городам (прежде всего крупным) и агломерациям. Как следствие, всё больше внимания уделяется не только самым различным проблемам в городах и городских агломерациях, но проблемам городов и их агломераций как пространственных систем.

В-пятых, это пристальное внимание к повседневной жизни местных сообществ, прежде всего (но не исключительно) в крупных городах и агломерациях. Смена исследовательской оптики потребовала смещения акцента на применение качественных методов исследования.

Наконец, ориентация на междисциплинарные исследования, то есть исследования поверх дисциплинарных границ. С одной стороны, это сопровождалось обменом идеями, концепциями между дисциплинами, а с другой – формированием пограничных дисциплин, таких как городская социология, культуральная география, экологическая география, городская антропология и т.п.

Итак, настало время ответа на вопрос: а был ли "пространственный поворот"? и если был, то действительно его следует рассматривать как "дитя постмодерна"?

Скорее всего, "пространственный поворот" не только был, но он продолжается и в настоящее время.

Означает этот факт, что этот поворот сделал "пространственную" проблематику мейнстримовской в социально-гуманитарных дисциплинах? Скорее всего – нет, пожалуй, за одним исключением. И это исключение – география человека.

Постмодерн и география человека

Начнем с констатации очевидного факта: география всегда (в отдельные исторические периоды в единственном числе) не пренебрегала пространством. Более того, именно в рамках этой науки задолго до пространственного поворота сложились две концепции: района (или региона) и ландшафта, – которые послужили (и служат до сих пор) основой для пространственных исследований во многих социо-гуманитарных дисциплинах.

Впрочем, есть еще один очевидный факт: две ветви географии (физическая география и география человека) очень по-разному оказались вовлеченными в пространственный поворот. Если физическая география практически не принимала участия в дискуссиях о переосмыслении пространства и места, которые составляли суть "пространственного поворота"¹⁸, то география чело-

¹⁶ Прежде всего, это работы А. Лефевра [16; 50; 51], М. Фуко [27], Д. Харви [29; 30; 42], Э. Соджи [55; 56], С. Минка [53].

¹⁷ Литература, посвященная А. Лефевру, в том числе и его вкладу в становление "пространственного поворота": [37; 45; 53]; не был обделен вниманием этот сюжет и в ходе работы круглого стола "Пространственный поворот" и его интерпретация в российской науке и институциональной практике" [4]. См. также статью В.Н. Украинского и Ж.Ж. Чимитдоржиева в данном номере "Ойкумены".

¹⁸ Показательно в этой связи утверждение Фила Хаббарда и Роба Китчина: "Хотя физико-географы пытались внести вклад в развернувшиеся теоретические дебаты о природе пространства и места ... большинство проигнорировало постмодерн, постколониальные или постструктуралистские попытки деконструирования, критики или реконструирования языков

века, выступала в качестве лидера; из "импортера" идей, география человека превратилась в "экспортера" идей, теоретических концепций и аналитических инструментов. Хотя при этом следует согласиться с мнением Э. Соджи [56], который считал, что большая часть пространственного поворота всё-таки проходила за пределами географии.

И уж коль мы упомянули Э. Соджу, который, наряду с Д. Харви, несомненно, является ключевой фигурой в формировании постмодернистской географии, то следует опять-таки кратко остановиться на рассмотрении этого феномена. Но прежде зафиксируем одно, как мне представляется, важное положение, суть которого заключается в том, что "постмодернистская география" – это не вся география человека, а пространственный поворот в географии никоим образом не следует отождествлять с "постмодернистской географией".

Итак, начнем с того, что понять источники и движущие силы "постмодернистской географии" вряд ли возможно без рассмотрения эволюции самой географии человека в период после Второй мировой войны, с одной стороны, а с другой – вне исторического контекста, то есть тех изменений в самом объекте исследования – пространственной организации общества и осмысления этих изменений в географической науке.

Так как относительно контекста речь шла выше, то остановимся на анализе эволюции теоретической мысли в послевоенной географии, англо-саксонской по преимуществу.

1950-е годы были временем, когда "сначала в Америке, а затем и в Англии, разочарование в региональной парадигме начало возрастать. Постепенно отраслевая специализация приобретает доминирующее положение, а региональный синтез начал игнорироваться; одновременно ... развернулась настоящая революция – выдвигание и широкое признание новой парадигмы" [10, с. 73]¹⁹.

Эта попытка предполагала не только переосмыслить природу пространства, но и "переформатировать географию в пространственную науку, ищущую теоретических конструктов или "пространственных законов" на базе статистического анализа ..." [44, с. 5]. Обычно этот период в истории географии человека обозначают как "количественная география". И несмотря на то, что многие географы вовсе не испытывали восторга от квантификации и предлагаемых ее апологетами теорий²⁰, "эта новая "научная" парадигма тем не менее была началом новой концептуализации пространства, которая получила широкое распространение даже среди тех географов, которые сопротивлялись идее количественной оценки. ... Это возвещало о новом языке пространственной физики, в рамках которой различные виды человеческой деятельности могут быть сведены к перемещениям, сетям, узлам или иерархиям, проявляющим себя на поверхности Земли" [44, с. 5].

Реакция на этот тип анализа последовала ближе к концу 1960-х годов, когда внутри географии человека сложилась группа взаимосвязанных подходов, которую трудно классифицировать и описать каким-то одним термином. Первоначально для этой группы подходов был использован термин "ради-

пространства и места, и внесли незначительный вклад в проблематизирующие концепции, в частности, концепцию глобализации" [44, с. 3].

¹⁹ По мнению С. Айткена и Ж. Валентайна, свой вклад в парадигмальный переход в географии внесло и то обстоятельство, что именно в 1950-е гг. "возникла позитивистская пространственная наука, бросившая вызов и вытеснившая региональную традицию в географии" [35, с. 2]. Действительно, намерения Уолтера Айзарда – отца-основателя пространственной (региональной) экономики – были необычайно амбициозны. Приведем только одну цитату из его "Location and Space-Economy": "...адаптация человека в процессе его взаимодействия с природной средой предполагает формирование всесторонней теории общества или экономики, которая охватила оба измерения, т.е. и время, и пространство" [47, с. 7]. Увы, такой теории нет до сих пор, но институционализация региональной экономики имеет место.

²⁰ Мнение географов, не разделявших энтузиазм по поводу количественной революции в географии, выразил Н. Гизбург: "Большая часть так называемой теории в географии ... настолько абстрагирована от реальности, что мы даже не узнаем реальность, когда видим ее. ... Растущее стремление к тому, чтобы придать наукообразия тривиальностям, заразило все социальные дисциплины. ... Самые трудные вопросы стараются не ставить, ибо ответ на них требует колоссальной затраты энергии". Цит. по: [10, с. 223].

кальная география", затем – "диссидентская география", позднее, уже ретроспективно – "критическая география"²¹.

Как это ни удивительно, но пространственный поворот и постмодернизм как-то не очень сказались на географии человека, которая в это время была озабочена кризисом собственной идентичности. Но, как известно, интеллектуальный кризис – это и время возможностей²².

Такие возможности открылись, хотя и с заметным запозданием, вовсе не со стороны постмодернистов, а после появления монографии А. Лефевра "Производство пространства" [13], которая достаточно быстро оказалась переведенной на английский язык. В результате произошла встреча идей французских неомарксистов и англоязычных социологов, которая привела в конечном счете к появлению постмодернистской географии.

Здесь нужно отметить, что я не рискую дать сколько-нибудь исчерпывающее определение "постмодернистской географии"²³, но ее вполне возможно определить как научно-исследовательскую программу (если использовать терминологию И. Лакатоша), истоки которой лежат на рубеже 1970-х и 1980-х гг., а своего рода расцвет приходится на десятилетие между серединой 1980-х и 1990-х гг.

Но, и это крайне важно, "сохранила часть своей динамичности в последующие годы, способствовала привнесению философского начала в интеллектуальную атмосферу дисциплинарных дебатов тех лет; когда география человека приобрела во многих отношениях вновь обретенную известность в рамках социальных наук" [53, с. 363]. Эти строки были написаны К. Минка в 2009 году, сейчас 2022 г., поэтому следует добавить: влияние "постмодернистская география" не канула в лету, и до сих пор постмодернистские идеи и теории всё ещё оказываются востребованы.

И здесь самое время вернуться к Д. Харви и Э. Соджа – знаковым фигурам постмодернистской географии, уже в силу того, что, хотя единого и связанного корпуса теории постмодернистской географии никогда не существовало, работы этих исследователей, несомненно, заслуживают включения в такой корпус.

Конечно, дело случая, что в 1989 г. были опубликованы две книги, посвященные постмодернизму в географии [29; 56]²⁴. Одна из них "Postmodern Geographies" [56] Э. Соджи представляла собой собрание эссе, посвященных, как это следует из названия, постмодерну и географии.

"Моя цель, – пишет Э. Соджа, – пространственно описать историю" [56, с. 1], при этом каждое эссе представляет рассмотрение того или иного аспекта одной и той же центральной темы: "повторного утверждения критической пространственной перспективы в современной социальной теории и анализе" [56, с. 1]. В качестве своих предшественников, чьи идеи он заимствовал, Э. Соджа указывает Мишеля Фуко, Джона Бергера, Фредерика Джеймисона, Эрнеста Манделя и Анри Лефевра²⁵.

²¹ Подробно этот сюжет рассмотрен в [48], в этой же работе дана исчерпывающая библиография.

²² М. Дир следующим образом характеризовал этот период: "В социальных и гуманитарных науках в настоящее время происходит бум вокруг философии и метода, который (во многих случаях) приводит к краху идентичности. Шум этих дебатов едва дошел до географии" [41, с. 262].

²³ Возможно, прав К. Минка: "любая попытка определить состояние постмодернистской географии обречена на провал; хотя бы из-за того факта, что введение постмодерна в географию – как и в другие области исследований – означало отказ от любой парадигматической логики и скептицизм по отношению к любой линейной реконструкции истории дисциплины" [53, с. 363].

²⁴ Конечно, и до появления этих книг, в период между 1986 и 1988 гг., было опубликовано несколько статей, в том числе и в престижных географических журналах, в которых явно упоминается постмодернистский анализ. Короче говоря, "... постмодерн вышел из своего относительно маргинального положения вначале 1980-х, чтобы утвердить себя как "выражение передовой рефлексии в географии" [53, с. 368].

²⁵ Хотя, наверное, здесь уместно отметить, что и эта работа Соджи, и две его последующие книги перекликаются с исследованиями как географов-марксистов (Дэвид Харви, Ричард Пит,

Однако особое место в этом перечне предшественников занимает фигура А. Лефевра, который сформулировал тезис о том, что производство пространства, а не истории стало центральным элементом капиталистического развития и присущих ему противоречий. Именно этот тезис Лефевра, по мнению Алана Латема (Alan Latham), обеспечивает центральную логическую основу постмодернистской географии и более широкого постмодернистского проекта Соджи. Именно через фильтр утверждений Лефевра о центральной роли пространственности в социальной жизни Соджа интерпретирует георетические материалы, обсуждаемые в "Постмодернистской географии". Именно благодаря этому лефевровскому фильтру Соджа может выдвинуть аргумент, что разнообразная коллекция авторов, собранных вместе в его произведениях, действительно предлагает наброски нового типа постмодернистской географии человека [49].

В этой книге Соджа [56] призывает к новому "географическому материализму", способному, по его мнению, соединить в себе последние (по тому времени) достижения социальной теории с лефеврианским пониманием пространства. В конечном счете начиная с "Постмодернистской географии" Э. Соджа реализует этот подход, всякий раз вводя все новые аргументы, доказывая, что, во-первых, капиталистический порядок (точнее, общество постмодерна) реорганизуется таким образом, что пространственное оказывается в приоритете над темпоральным; во-вторых, пространственность фундаментально конститутивна для социальной жизни, а поэтому, в-третьих, социальная теория должна серьезно относиться к пространству, если она имеет целью понять и объяснить состояние общества²⁶.

Вторая работа, упомянутая выше, это "The Condition of Postmodernity" [29] Дэвида Харви, которая, как и "Postmodern Geographies" Эдварда Соджи, оставила столь же заметный след в развитии постмодернистской рефлексии в географии человека²⁷.

Но, как справедливо отметил А. Павлов, "данная работа ... уже в течение долгого времени не обсуждается всерьез" [15, с. 12]²⁸. Не получится и у меня "всерьез" рассмотреть эту монографию Д. Харви, так как объем журнальной статьи невелик, да и не было такой задачи. Благо, отчасти эту задачу решает сам А. Павлов в водной статье к русскому переводу монографии Д. Харви. Поэтому я счел возможным просто акцентировать внимание читателей на некоторых, по-моему мнению, особенностях стиля Д. Харви, проявившиеся в "Состоянии постмодерна".

Будучи географом, к тому же полагавшим, что география человека – главная социальная наука, Д. Харви вовсе не считал себя обязанным соблюдать дисциплинарные границы, ему просто было тесно в них. Даже в первой из своих монографий – "Объяснение в географии" [28] – он скорее занят вопросами философии науки как таковой и лишь отчасти методологическими вопросами философии²⁹. Поэтому широко распространено мнение о том, что Д. Харви имел претензии произвести революцию даже не столько в географии, сколько в социальных науках, вовсе не лишено оснований. География

Нил Смит и Дорин Мэсси) и не только марксистов (Торстен Хегерstrand, Алан Пред, Дерек Грегори, Найджел Трифи), а также и социологов (Энтони Гидденс, Мануэль Кастельс и Джон Урри), стремившихся подчеркнуть глубокую пространственность социальной жизни.

²⁶ См. также: [49].

²⁷ Более того, рискну предположить, что не только географии человека, но и в целом ряде других дисциплин: социологии, этнографии, антропологии, культурологии и политологии. Это можно рассматривать как свидетельство того, что эти исследования (точнее, исследования этих авторов) имеют междисциплинарный характер.

²⁸ Впрочем, эта работа Д. Харви, как и "Постмодернистские географии" Э. Соджи, вызвала не только ряд вполне позитивных откликов, но и получила изрядную порцию критики. Дискуссии, развернувшиеся вокруг этих двух книг, вполне подробно отражены в [15; 38; 52; 53; 49].

²⁹ Показательно, что "Объяснение в географии" по иронии судьбы обозначило и высшую точку, и конечную точку стремления Харви сформировать основы подлинно научной географии [38, с. 234], то есть позитивистскую географию.

человека выступала не более чем поставщиком материала для широких социально-теоретических и политических выводов³⁰.

Д. Харви, был не только географом, но ещё и марксистом, как и многие (но далеко не все) видные представители постмодернизма, точнее, все они были неомарксистами или западными марксистами. Причем критический анализ Д. Харви был радикально отличен от предшествующих представлений о постмодерне³¹.

Если для большинства исследователей, занятых в то время анализом постмодерна, он был продуктом культурных трансформаций, из которых следовали экономические изменения, такие как рост индустрии развлечений или рост джентрификации, то "анализ Харви постфордистской экономики перевернул эту формулировку с ног на голову" [58, с. 128].

Итак, остается лишь попытаться ответить на следующие вопросы: почему эти две книги Д. Харви и Э. Соджи всё ещё вызывают интерес в профессиональной среде? Почему это до сих пор классика географии человека, которую нужно перечитывать?

Начнем с того, что появление этих двух томов и последовавшая вслед за этим дискуссия можно рассматривать как легитимацию постмодернистской рефлексии первоначально в англо-американской географии, а затем и в других национальных сообществах географов.

С этого момента "начали распространяться исследования, принимающие постмодернистскую теоретическую и/или методологическую перспективу, от исследований городов до исследований ландшафта, зрелищности и потребления культуры, пространственных эффектов гибких режимов накопления" и т. д. как по географии, так и по производству географических знаний..." [53, с. 369]. Иначе говоря, эти работы, помимо всего прочего, ввели в сферу географических исследований темы, которые либо вообще находились вне интересов географов, либо занимали маргинальное положение в исследовательском поле географии.

Более того, эти работы спровоцировали интерес социологов, антропологов, культурологов, политологов и даже экономистов к пространственным аспектам глобализации (кстати, именно Д. Харви предсказал и описал глобализацию задолго до того, как она стала мейнстримом в социальных и гуманитарных науках), урбанизации, повседневной жизни людей, организованных в местные сообщества и т. д.

Поэтому можно согласиться с утверждением Д. Бахманн-Медик: "В первую очередь повороту к пространству способствовали постмодернистские географы, в основном урбанисты и градостроители: Дэвид Харви, Эдвард Соджа, Дерек Грегори, Стив Пайл, Дорин Мэсси"³². Поэтому можно говорить и о "географическом повороте"³³.

³⁰ В свое время Н. Кастри, анализируя содержание другой работы Д. Харви, а именно: "The Limits to Capital" (1982), пришел к заключению, что "Короче говоря, The Limits to Capital задумывалась как парадигматический вклад: не меньше, чем современный географический эквивалент "Капитала" Карла Маркса..." [39, с. 61]. С не меньшими основаниями этот вывод можно распространить и на "Состояние постмодерна", и на целый ряд последующих работ Д. Харви, добавив, что он явно стремился привнести в марксизм пространство.

³¹ При этом Д. Харви весьма скептически относился к самому понятию постмодерн, что следует из ознакомления со следующими двумя высказываниями. Первое: "Значительные изменения в качестве городской жизни начиная с 1970 года или около того действительно совершились. Но заслуживают ли подобные сдвиги того, чтобы называть их "постмодерном", отдельный вопрос". И следом на той же странице мы находим: "Какого-то общего согласия относительно того, что в точности имеется в виду под этим термином, не существует – за исключением, возможно, того, что "постмодернизм" представляет собой своего рода реакцию на "модернизм", или же "модернизм" является для него отправной точкой. Но поскольку значение понятия "модернизм" также весьма туманно, реакция на него, или его последствие, известное как "постмодернизм" оказываются туманными вдвойне" [29, с. 53]. Тем не менее, следуя духу марксистской критики постмодерна, Д. Харви стал одним из самых авторитетных интерпретаторов постмодерна.

³² О ключевых фигурах и предшественниках пространственного поворота см.: [45].

³³ Сходные оценки роли географов в постмодернистском пространственном повороте в социально-гуманитарных дисциплинах содержатся в [49; 53; 58].

В конечном итоге, как бы мы ни называли поворот, спровоцированный постмодернистскими географами, он не только привел к переформатированию поля географии человека, но и социологии, культурологии, антропологии, политологии и экономики. Речь идет не только и даже не столько о появлении новых субдисциплин, таких как культуральная география или городская антропология, но и "реновации" старых концепций и, как следствие, "новой" региональной географии и много чего ещё с прилагательными "новая" или "новый".

Справедливости ради следует отметить, что имело место не одностороннее влияние географии человека на социально-гуманитарные дисциплины, но – взаимовлияние.

Более того, как уже было рассмотрено выше, сам постмодернистский поворот в географии стал возможен благодаря встрече географии модерна с французским марксизмом³⁴.

Но взаимовлияния имели место не только на концептуальном уровне, но и на уровне методики. Так, в географии человека или СЭГ стали обычными методики, пришедшие из городской социологии и антропологии, в свою очередь концепция района (региона) и связанные с ней методики всё чаще используются в исследованиях, выполненных социологами и политологами и т.д.

Вместо заключения.

Постмодерн, пространственный поворот и российская СЭГ

Теперь переходим к последнему из заявленных сюжетов нашей статьи, а именно: к тому, каким образом и в каких формах постмодернизм и пространственный поворот проявились в отечественной СЭГ.

Сразу скажем, что здесь можно говорить о том, что это не самая обсуждаемая тема ни в отечественном обществоведении, ни в СЭГ. Причин тому много, но если отсутствие интереса к работам постмодернистов, да к тому же еще и неомарксистов (по тогдашней терминологии – ревизионистов), дело понятное³⁵, то логику адресуемой им сегодня критики понять трудно. Подобную критику можно обнаружить во вступительном слове В.А. Шупера на IX сократических чтениях (публикация 2012 г.): "на Западе уже спадает мутная волна постмодернизма, но преобладающий прагматизм, потребительское отношение к науке неизбежно порождают поверхностность, мелкотемье и никак не способствуют серьезным прорывам" [33, с. 9]. А затем узнать, что "Бесплодные наваждения постмодернизма, предполагающего отказ от самого понятия объективной истины, ставят крест на географии как науке, ибо наука – это доказательное знание, но если мы изучаем лишь свои собственные представления (ментальные образы), то ничего доказать в принципе невозможно" [33, с. 9]. Тут впору опешить и спросить себя: так о чём вы (и не только я, но и много кто ещё)³⁶ статью написали, если постмодерн – это "мутная волна", да к тому же "бесплодные наваждения"?

Удивительно, но факт: в этом же сборнике, откуда я позаимствовал "вступительное слово", есть статья Л.В. Смирнягина [18], которая вполне соответствует постмодернистскому пониманию и географии человека, и районирования, в частности. Чтобы не быть голословным приведу только одну цитату из упомянутой статьи: "При выделении районов учёному приходится иметь дело не только с региональной статистикой, но и с мнениями людей насчёт того, что такое регионы его страны. Ведь их практическое поведение

³⁴ Так, К. Минка отмечает при анализе "Postmodern Geographies": "Соджа был одним из первых авторов "импортировавших" в географию новации новой французской пространственной школы, и его книга была вехой, открывающей диалог с критической социальной теорией" [52, с. 135].

³⁵ Хотя иной раз можно было встретить краткие упоминания работ того же Д. Харви у советских географов, но все-таки чувствовалось, что неомарксисты от географии чего-то "не поняли", "не могли", "несли груз" и т.п. Таков был закон жанра "критики буржуазных теорий", и, как говорится, нет претензий, ибо времена были другие.

³⁶ См., например, далеко не исчерпывающийся библиографический список, приведенный в данной статье.

в пространстве, как выяснилось, зависит не только (и даже не столько) от той территориальной дифференциации, которую способен зафиксировать учёный по нейтральным статистическим показателям, сколько от того, как эти люди воспринимают подобную дифференциацию, притом, как правило, безотносительно к подобной статистике. Появляется пресловутая "вторая реальность", но как соотносится она с первой, каков её онтологический статус и не сводится ли дело к переходу от объективной реальности к субъективным представлениям о ней, — всё это сложные методологические вопросы, за которыми тянутся достаточно тягостные вопросы методики районирования в этих новых условиях" [18, с. 193].

И надо отдать должное Л.В. Смирнягину: он не только ставит сложные вопросы методологии районирования, за которыми, естественно, тянутся тягостные вопросы методики районирования, но и предлагает решения.

Если коротко, то обзор публикаций Л.В. Смирнягина [18–24] по проблемам методологии и методики районирования общества свидетельствует, что ему вовсе не чужды результаты постмодернистских методологических и методических исканий в географии человека. В тоже время он отдаёт отчёт в том, что результаты этих исканий не могут быть механически перенесены на российскую почву.

Конечно, Л.В. Смирнягин и его более молодые последователи, круг интересов которых связан с исследованиями городских пространств, вовсе не одинок. В этой связи заслуживают упоминания и работы Д.Н. Замятина, в частности [12], с более чем красноречивым названием "Сопространственность, территориальная идентичность и место: к пониманию политик постмодерна".

Не меньшего внимания заслуживает и статья Ю.А. Веденина, Ю.Н. Голубчикова и А.А. Тишкова [6], в которой, как и во всякой постановочной работе, содержится ряд дискуссионных моментов (обсуждение которых вовсе не входит в круг задач данной статьи), ощутимо постмодернистское влияние.

Что общего в упомянутых выше работах? Во-первых, подчеркнутое внимание к пространству, которое вовсе не сводится к территориальности; во-вторых, стремление выйти за дисциплинарные рамки, не забывая при этом о тех теоретических концепциях и методологических подходах, которые присущи отечественной СЭГ. Наконец, это понимание того, что новые исследовательские задачи требуют зачастую новых или обновленных (переосмысленных "традиционных") методов исследования.

И самое что ни на есть последнее: "В целом, если оглянуться на эти несколько запутанные дисциплинарные траектории в ретроспективе, становится ясно, по крайней мере, одно: постмодернизм стал неотъемлемой частью географической традиции. Не только: в настоящее время широко признано, что появление постмодернистской рефлексии в географии в значительной степени способствовало оживлению дисциплинарных дебатов последних 20 лет и открыло географам глаза на целый ряд новых исследовательских направлений и подходов" [53, с. 371–372].

Литература

1. Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 504 с.
2. Бёгельсдейк Ш., Масселанд Р. Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения и области практического применения в современности М.; СПб: Изд-во Института Гайдара, 2016. 464 с.
3. Бёрк П. Что такое культуральная истории? 2 изд. М.: Изд. дом ВШЭ, 2016. 240 с.
4. Бляхер Л.Е., Демьяненко А.Н., Киреев А.А., Клиценко М.В., Ламашева Ю.А., Лебедева М.М., Леонтьева Э.О., Малкова Н.Ю., Украинский В.Н., Ярулин И.Ф., Ячин С.Е. "Пространственный поворот" и его интерпретация в российской науке и институциональной практике // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 2. С. 46–59.
5. Бунге В. Теоретическая география. М.: Прогресс, 1967. 279 с.
6. Веденин Ю. А., Голубчиков Ю.Н., Тишков А. А. Туристическая география как исследовательское направление в системе географических наук // Известия РАН. Серия географическая. 2017. № 4. С. 128–140.
7. Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии. М.: Изд. дом ВШЭ, 2018. 336 с.

8. Давыдов М.А. Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте-Столыпина. 2-е изд. СПб.: Алетей, 2016. 1080 с.
9. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. 816 с.
10. Джонстон Р.Дж. География и географы. М.: Прогресс, 1987. 368 с.
11. Дэвид-Фокс М. Пересекая границы: идеология и культура в России и Советском Союзе М.: Новое литературное обозрение, 2020. 464 с.
12. Замятин Д.Н. Сопространственность, территориальная идентичность и место: к пониманию политик постмодерна // Арктика. XXI век. Гуманитарные науки. 2014. № 2 (3). С. 4–36.
13. Лефевр А. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
14. Павлов А. В. Постмодернизм: как социальная и культурная теория объясняет наше время. 2-е изд. М.: Издательский дом Дело РАНХиГС, 2021. 560 с.
15. Павлов А. "Состояние постмодерна" Дэвида Харви // Харви Д. Состояние постмодерна: Исследование истоков культурных изменений. М.: Изд. дом ВШЭ, 2021. С. 7–40.
16. Павлов А. Странная жизнь постмодерна // Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. С. 7–53.
17. Прошлое – крупным планом: Современные исследования по микроистории. СПб.: Алтейя, 2003. 268 с.
18. Смирнягин Л.В. Безграничное районирование и плавающие признаки как средство познания географической реальности // Проблемы географической реальности. Девятые сократические чтения. М.: Эслан, 2012. С. 191–200.
19. Смирнягин Л.В. О региональной идентичности // Меняющаяся география зарубежного мира. Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 17. М.-Смоленск: Ойкумена, 2007. С. 21–49.
20. Смирнягин Л.В. Объективность района как "проклятый вопрос" районирования // Научные теории и географическая реальность. М.: Эслан, 2004. С. 103–120.
21. Смирнягин Л.В. Районирование в общественной географии и самоидентификация и социальном пространстве // Рефлексивность социальных процессов и адекватность научных методов. Пятое сократические чтения. М.: РУДН, 2004. С. 112–126.
22. Смирнягин Л.В. Региональная идентичность и вернакулярный район // Региональная идентичность в историческом и культурном пространстве России. VIII Сытинские чтения. Ч. 1. Ульяновск: Изд-во Корпорации технологий продвижения, 2014. С. 36–44.
23. Смирнягин Л.В. Судьба географического пространства в социальных науках // Известия РАН. Серия географическая. 2016. № 4. С. 7–19.
24. Смирнягин Л.В. Эволюция методологии районирования в свете теории социальных эстафет М.А. Розова // X Сократические чтения. Реальность как социальные эстафеты. М.: Эслан, 2015. С. 109–119.
25. Скрутон Р. Дураки, мошенники и поджигатели: Мыслители новых левых. М.: Изд. дом ВШЭ, 2021. 440 с.
26. Урри Дж. Мобильности. М.: Праксис, 2012. 576 с.
27. Фуко М. Другие пространства // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. С. 191–204.
28. Харвей Д. Научное объяснение в географии. М.: Прогресс, 1974. 502 с.
29. Харви Д. Состояние постмодерна: Исследование истоков культурных изменений. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 576 с.
30. Харви Д. Социальная справедливость и город М.: Новое литературное обозрение, 2018. 440 с.
31. Шлюмбом Ю., Кром М., Зоколл Т. Микроистория: большие вопросы в малом масштабе // Прошлое – крупным планом: Современные исследования по микроистории. СПб.: Алтейя, 2003. С. 7–26.
32. Шумпетер Й.А. История экономического анализа. Т.1. СПб.: Экономическая школа, 2004. LVI+ 496 с.
33. Шупер В.А. Вступительное слово // Проблемы географической реальности. Девятое сократические чтения. М.: Эслан, 2012. С. 7–12.
34. Эко У. Заметки на полях "Имени розы" СПб.: Симпозиум, 2007. 92 с.
35. Aitken S., Valentine G. Ways of Knowing and Ways of Doing Geography Research // Approaches to Human Geography. Eds. Aitken S., Valentine G. London, Thousand Oaks, New Delhi: SAGE, 2006. P. 1–12.
36. Benko G. Regional science: evolution over thirty years // International Social Journal. 1984. № 4. P. 699–712.
37. Brenner N., Elden S. Introduction. State, Space, World: Lefebvre and the Survival of Capitalism // Lefebvre, Henri. State, space, world: selected essays Henri Lefebvre / eds. Brenner N., Elden S. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2009. P. 1–48.
38. Castree N. David Harvey // Hubbard P., Kitchin R. (eds). Key Thinkers on Space and Place. 2nd ed. London: Sage, 2011. P. 234–241.

39. Castree N. *The Limits to Capital* // *Key Texts in Human Geography*. Eds. Hubbard P., Kitchin R., and Gill Valentine G. London: Sage, 2008. P. 61–70.
40. Crang M., Thrift N. *Introduction* // *Thinking space*. Eds. M. Crang., N. Thrift. Routledge, London & New York: 2003. P. 1–30.
41. Dear M. *The postmodern challenge: reconstructing human geography* // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 1988. № 13. P. 262–274.
42. Harvey D. *Rebel cities: from the right to the city to the urban revolution*. London, New York: Verso, 2012. 187 p.
43. Hägerstrand T. *Innovation Diffusion as a Spatial Process*. Chicago, London: University of Chicago Press, 1967. 334 p.
44. Hubbard P., Kitchin R. *Introduction: Why key thinkers?* // Hubbard P., Kitchin R. (eds) *Key Thinkers on Space and Place*. 2nd ed. London: Sage, 2011. P. 1–17.
45. Hubbard P., Kitchin R. (eds). *Key Thinkers on Space and Place*. 2nd ed. London: Sage, 2011. XVI+510 p.
46. Hubbard P., Kitchin R., Bartley B., Fuller D. *Thinking Geographically: Space, Theory and Contemporary Human Geography*. London: Continuum, 2002. X + 275 p.
47. Isard W. *Location and Space-Economy. A General Theory Relating to Industrial Location, Market Areas, Land Use, Trade, and Urban Structure*. The Press of Massachusetts Institute of Technology and John Wiley & Sons, New York: 1956. III+350 p.
48. Johnston R., Sidaway J.D. *Geography & Geographers: Anglo-American Human Geography Since 1945*. 7nd ed. New York: Routledge, 2016. 520 p.
49. Latham A., McCormack D., McNamara K., McNeill D. *Key Concepts in Urban Geography*. London, Thousand Oaks, New Delhi, Singapore: SAGE, 2011, 232 p.
50. Lefebvre H. *The Urban Revolution*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2003 [1970]. 197 p.
51. Lefebvre, H. *State, space, world: selected essays Henri Lefebvre* / edited by Neil Brenner and Stuart Elden. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2009. 331 p.
52. Minca C. *Postmodern Geographies: Edward Soja (1989)* // *Key Texts in Human Geography*. Eds. Hubbard P., Kitchin R., and Gill Valentine G. London: Sage, 2008. P. 135–144.
53. Minca C. *Postmodernism/Postmodern Geography* // *International Encyclopedia of Human Geography*. eds. Rob Kitchin; Nigel Thrift. London: Elsevier, 2009. P. 362–372.
54. Paasi A., John Harrison J., Jones M. *New consolidated regional geographies* // *Handbook on the Geographies of Regions and Territories* / Eds. Paasi A., John Harrison J., Jones M. P.1-20.
55. Soja E.W. *Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions*. Oxford: Blackwell, 2000. 440 p.
56. Soja E. *Postmodern Geographies*. London: Verso, 1989. 266 p.
57. Strohmayr U., Benko G. *Introduction* // *Human Geography. A History for the 21st Century* / Eds. Benko G., Strohmayr U. London: Edward Arnold, 2004. P. XI–XIV.
58. Woodward K., Jones III J.P. *The Condition of Postmodernity (1989): David Harvey* // *Key Texts in Human Geography*. Eds. Hubbard P., Kitchin R., and Gill Valentine G. London: Sage, 2008. P. 125–134.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Bakhmann-Medik D. *Kul'turnye povoroty. Novye orientiry v naukakh o kul'ture*. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 504 s.
2. Byogel'sdejk SH., Masseland R. *Kul'tura v ehkonomicheskoy nauke: istoriya, metodologicheskie rassuzhdeniya i oblasti prakticheskogo primeneniya v sovremennosti* M.; SPb: Izd-vo Instituta Gajdara, 2016. 464 s.
3. Byork P. *CHto takoe kul'tural'naya istorii?* 2 izd. M.: Izd. dom VSHEH, 2016. 240 s.
4. Blyakher L.E., Dem'yanenko A.N., Kireev A.A., Klitsenko M.V., Lamasheva YU.A., Lebedeva M.M., Leont'eva EH.O., Malkova N.YU., Ukrainskij V.N., YArulin I.F., YAchIn S.E. "Prostranstvennyj povorot" i ego interpretatsiya v rossijskoj nauke i institutsional'noj praktike // *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. 2021. № 2. S. 46–59.
5. Bunge V. *Teoreticheskaya geografiya*. M.: Progress, 1967. 279 s.
6. Vedenin YU. A., Golubchikov YU.N., Tishkov A. A. *Turisticheskaya geografiya kak issledovatel'skoe napravlenie v sisteme geograficheskikh nauk* // *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*. 2017. № 4. S. 128–140.
7. Giddens EH., Sattou F. *Osnovnye ponyatiya v sotsiologii*. M.: Izd. dom VSHEH, 2018. 336 s.
8. Davydov M.A. *Dvadsat' let do Velikoj vojny: rossijskaya modernizatsiya Vitte-Stolykina*. 2-e izd. SPb.: Aletejya, 2016. 1080 s.
9. Dzhejmison F. *Postmodernizm, ili Kul'turnaya logika pozdnego kapitalizma*. M.: Izd-vo Instituta Gajdara, 2019. 816 s.
10. Dzhonston R.Dzh. *Geografiya i geografya*. M.: Progress, 1987. 368 s.
11. Dehvid-Foks M. *Persekaya granitsy: ideologiya i kul'tura v Rossii i Sovetskom Soyuze* M.: No-voe literaturnoe obozrenie, 2020. 464 s.

12. Zamyatin D.N. Soprostranstvennost', territorial'naya identichnost' i mesto: k ponimaniyu politik postmoderna // *Arktika. XXI vek. Gumanitarnye nauki*. 2014. № 2 (3). S.4-36.
13. Lefevr A. Proizvodstvo prostranstva. M.: Strelka Press, 2015. 432 s.
14. Pavlov A. V. Postmodernizm: kak sotsial'naya i kul'turnaya teoriya ob"yasnyayet nashe vremya. 2-e izd. M.: Izdatel'skij dom Delo RANKHiGS, 2021. 560 s.
15. Pavlov A. "Sostoyanie postmoderna" Dehvida KHarvi // KHarvi D. Sostoyanie postmoderna: Issledovanie istokov kul'turnykh izmenenij. M.: Izd. dom VSHEH, 2021. S.7-40.
16. Pavlov A. Strannaya zhizn' postmoderna // Dzhejmison F. Postmodernizm, ili Kul'turnaya logika pozdnego kapitalizma. M.: Izd-vo Instituta Gajdara, 2019. S.7-53.
17. Proshloe – krupnym planom: Sovremennye issledovaniya po mikroistorii. SPb.: Alteja, 2003. 268 s.
18. Smirnyagin L.V. Bezgranichnoe rajonirovanie i plavayushhie priznaki kak sredstvo poznaniya geograficheskoy real'nosti // *Problemy geograficheskoy real'nosti. Devyatye sokraticheskie chteniya*. M.: EHslan, 2012. S.191-200.
19. Smirnyagin L.V. O regional'noj identichnosti // *Menyayushhayasya geografiya zarubezhnogo mira. Voprosy ehkonomicheskoy i politicheskoy geografii zarubezhnykh stran. Vyp. 17*. M. – Smolensk: Oj-kumena, 2007. S.21-49.
20. Smirnyagin L.V. Ob"ektivnost' rajona kak "proklyatyy vopros" rajonirovaniya // *Nauchnye teorii i geograficheskaya real'nost'*. M.: EHslan, 2004. S.103-120.
21. Smirnyagin L.V. Rajonirovanie v obshhestvennoj geografii i samoidentifikatsiya i sotsial'nom prostranstve // *Refleksivnost' sotsial'nykh protsessov i adekvatnost' nauchnykh metodov. Pyatye sokraticheskie chteniya*. M.: RUDN, 2004. S.112-126.
22. Smirnyagin L.V. Regional'naya identichnost' i vernakulyarnyj rajon // *Regional'naya identichnost' v istoricheskom i kul'turnom prostranstve Rossii. VIII Sytinskie chteniya. CH.1. Ul'yanovsk: Izd-vo Korporatsiya tekhnologij prodvizheniya*, 2014. S.36-44.
23. Smirnyagin L.V. Sud'ba geograficheskogo prostranstva v sotsial'nykh naukakh // *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*. 2016. № 4. S.7-19.
24. Smirnyagin L.V. EHvolyutsiya metodologii rajonirovaniya v svete teorii sotsial'nykh ehstafet M.A. Rozova // *X Sokraticheskie chteniya. Real'nost' kak sotsial'nye ehstafety*. M.: EHslan, 2015. S.109-119.
25. Skruton R. Duraki, moshenniki i podzhigateli: Mysliteli novykh levykh. M.: Izd. dom VSHEH, 2021. 440 s.
26. Urri Dzh. Mobil'nosti. M.: Praksis, 2012. 576 s.
27. Fuko M. Drugie prostranstva // *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskije stat'i, vystupleniya i interv'yu*. M.: Praksis, 2006. CH. 3. C.191-204.
28. KHarvej D. Nauchnoe ob"yasnenie v geografii. M.: Progress, 1974. 502 s.
29. KHarvi D. Sostoyanie postmoderna: Issledovanie istokov kul'turnykh izmenenij. M.: Izd. dom Vysshej shkoly ehkonomiki, 2021. 576 s.
30. KHarvi D. Sotsial'naya spravedlivost' i gorod M.: *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2018. 440 s.
31. SHlyumbom YU., Krom M., Zokoll T. Mikroistoriya: bol'shie voprosy v malom masshtabe // *Proshloe – krupnym planom: Sovremennye issledovaniya po mikroistorii*. SPb.: Alteja, 2003. S. 7–26.
32. SHumpeter J.A. Istoriya ehkonomicheskogo analiza. T.I. SPb.: EHkonomicheskaya shkola, 2004. LVI+ 496 s.
33. SHuper V.A. Vstupitel'noe slovo // *Problemy geograficheskoy real'nosti. Devyatye sokraticheskie chteniya*. M.: EHslan, 2012. S.7-12.
34. EHko U. Zаметki na polyakh "Imeni rozy" SPb.: Simpozium, 2007. 92 s.
35. Aitken S., Valentine G. Ways of Knowing and Ways of Doing Geography Research // *Approaches to Human Geography*. Eds. Aitken S., Valentine G. London, Thousand Oaks, New Delhi: SAGE, 2006. R. 1-12.
36. Benko G. Regional science: evolution over thirty years // *International Social Journal*. 1984. № 4. R. 699-712.
37. Brenner N., Elden S. Introduction. State, Space, World: Lefebvre and the Survival of Capitalism // *Lefebvre, Henri. State, space, world: selected essays Henri Lefebvre / eds. Brenner N., Elden S.* Minneapolis: University of Minnesota Press, 2009. R. 1-48.
38. Castree N. David Harvey // Hubbard P., Kitchin R. (eds). *Key Thinkers on Space and Place*. 2nd ed. London: Sage, 2011. R. 234-241.
39. Castree N. The Limits to Capital // *Key Texts in Human Geography*. Eds. Hubbard P., Kitchin R., and Gill Valentine G. London: Sage, 2008. R. 61-70.
40. Crang M., Thrift N. Introduction // *Thinking space*. Eds. M. Crang., N. Thrift. Routledge, London & New York: 2003. R. 1-30.
41. Dear M. The postmodern challenge: reconstructing human geography // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 1988. № 13. R. 262-274.
42. Harvey D. Rebel cities: from the right to the city to the urban revolution. London, New York: Verso, 2012. 187 p.
43. Hägerstrand T. Innovation Diffusion as a Spatial Process. Chicago, London: University of Chicago Press, 1967. 334 p.

44. Hubbard P., Kitchin R. Introduction: Why key thinkers? // Hubbard P., Kitchin R. (eds) *Key Thinkers on Space and Place*. 2nd ed. London: Sage, 2011. R.1-17.
45. Hubbard P., Kitchin R. (eds). *Key Thinkers on Space and Place*. 2nd ed. London: Sage, 2011. XVI+510 p.
46. Hubbard P., Kitchin R., Bartley B., Fuller D. *Thinking Geographically: Space, Theory and Contemporary Human Geography*. London: Continuum, 2002. KH + 275 p.
47. Isard W. *Location and Space-Economy. A General Theory Relating to Industrial Location, Market Areas, Land Use, Trade, and Urban Structure*. The Press of Massachusetts Institute of Technology and John Wiley & Sons, New York: 1956. III+350 p.
48. Johnston R., Sidaway J.D. *Geography & Geographers: Anglo-American Human Geography Since 1945*. 7nd ed. New York: Routledge, 2016. 520 p.
49. Latham A., McCormack D., McNamara K., McNeill D. *Key Concepts in Urban Geography*. London, Thousand Oaks, New Delhi, Singapore: SAGE, 2011, 232 p.
50. Lefebvre H. *The Urban Revolution*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2003 [1970]. 197 p.
51. Lefebvre, H. *State, space, world: selected essays Henri Lefebvre / edited by Neil Brenner and Stuart Elden*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2009. 331 p.
52. Minca C. *Postmodern Geographies: Edward Soja (1989) // Key Texts in Human Geography*. Eds. Hubbard P., Kitchin R., and Gill Valentine G. London: Sage, 2008. R.135-144.
53. Minca C. *Postmodernism/Postmodern Geography // International Encyclopedia of Human Geography*. eds. Rob Kitchin; Nigel Thrift. London: Elsevier, 2009. R.362-372.
54. Paasi A., John Harrison J., Jones M. *New consolidated regional geographies // Handbook on the Geographies of Regions and Territories / Eds. Paasi A., John Harrison J., Jones M.* R.1-20.
55. Soja E.W. *Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions*. Oxford: Blackwell, 2000. 440 p.
56. Soja E. *Postmodern Geographies*. London: Verso, 1989. 266 p.
57. Strohmayer U., Benko G. Introduction // *Human Geography. A History for the 21st Century / Eds. Benko G., Strohmayer U.* London: Edward Arnold, 2004. R. XI–XIV.
58. Woodward K., Jones III J.P. *The Condition of Postmodernity (1989): David Harvey // Key Texts in Human Geography*. Eds. Hubbard P., Kitchin R., and Gill Valentine G. London: Sage, 2008. R. 125–134.

Информация об авторе

Александр Николаевич Демьяненко, д-р геогр. наук, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия, e-mail: demyanenko@ecrin.ru

Information about the author

Aleksandr N. Demyanenko, Doctor of Geographical Sciences, Chief Researcher, Institute for Economic Research, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russia, e-mail: demyanenko@ecrin.ru

Поступила в редакцию
(Received) 24.01.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 03.02.2022

Принята к публикации
(Accepted) 21.02.2022